

ИСПОВЕДЬ РАССТРЕЛЯННОГО СТУДЕНТА (О СУДЬБЕ СТУДЕНТА ТГПИ А.Е. КОЛЕСНИКОВА)

Н.А. Туркасова

Томский государственный педагогический университет

Репрессии 1930-х годов, сотни тысяч сфальсифицированных дел по поиску «врагов народа» привели к трагической участи многих людей, в том числе и студентов Томского государственного педагогического института. Обвинялись ни в чем неповинные люди, которые в конечном итоге признавали себя виновными. Что побуждало их к этому шагу, фактически подписывая себе смертный приговор? Сегодня мы уже можем ответить на этот вопрос. Однако, были и такие, которые боролись за правду, пытались себя оправдать. Примером этому может послужить архивно-следственное уголовное дело П – 9573, хранящееся в архиве Управления Федеральной Службы Безопасности, где большой объем составляют документы одного из студентов ТПИ А.Е. Колесникова. Практически это исповедь человека, пытающегося доказать свою невиновность.

Цель данной статьи заключается в попытке осмыслить состояние арестованного человека, не признающего за собой вины.

Наиболее полная характеристика личности обвиняемого содержится в анкете арестованного. Колесников Александр Елпидифорович, гражданин СССР, по национальности русский, родился в марте 1905 г. в Томской губернии, Нарымского уезда, Колпашевской волости, село Колпашево, грамотный, 5 лет учился в сельской школе, на момент ареста учился на 2-м курсе ТПИ. С 1923 г. являлся членом ВЛКСМ, также работал членом укома комсомола, секретарем райкома комсомола, информатором окружкома комсомола, членом райисполкома. С 1927 г. являлся членом ВКП(б). Проживал в г. Томске по ул. Набережная р. Ушайки, д. 6, кв. 4. В составе семьи он указал жену, 2-х братьев (в протоколе допроса от 3 марта – 3-х братьев), отца и мать [1, с. 94]. В пединституте он был не только студентом, но также занимал должность председателя профкома и вел большую общественную работу.

В 1930-х гг. обстановка в стране была сильно политизирована. 22 февраля 1932 г. в газете «Красное Знамя» выходит статья горкома ВКП(б) В. Никулькова «О состоянии и работе парторганизации Томского педагогического института» (Постановление бюро горкома партии по докладу секретаря партколлектива пед. института, сообщению т. Босых и членов бригады крайкома), где бюро Горкома констатировало: «1. Бюро партколлектива пединститута не сделало обсуждение письма т. Сталина в журнал «Пролетарская революция» исходным моментом для повышения классовой бдительности и большевистской непримиримости всей парторганизации к вылазке классового врага и его агентуры в рядах партии, с большим опозданием и формально проработало письмо т. Сталина, не реагировало своевременно на указания членов парторганизации о наличии оппортунистических извращений в преподавательской работе по ряду дисциплин... 2. Наличие фактов зажима самокритики со стороны бюро партколлектива и, в особенности, секретаря его Щетинина и председателя профкома Колесникова. Отдельных членов организации, выступавших с критикой ошибок руководства института, бюро обвиняло в создании «беспринципной группировки», «дискредитации руководства», шельмовало этих товарищей и выносило

им за эту критику партвызыскания... Бюро партколлектива недопустимо реагировало на статью в газете «Красное Знамя», вскрывшую факты притупления классово-бдительности парторганизации.

Вместе с тем, бюро партколлектива в своей работе допустило ряд нарушений внутрипартийной демократии (рекомендация ячейкам состава членов и кандидатов их бюро и рекомендация членов и кандидатов бюро комсомольской ячейки). 3. В практике работы бюро партколлектива имело место голое администрирование и грубейшее нарушение принципов единоначалия. Все это свидетельствует о том, что партийное руководство не обеспечило большевистскую перестройку работы пединститута на основе генеральной линии партии, грубо исказило организационные принципы большевизма. Это привело к отрыву руководства от масс, к круговой поруке и бытовому загниванию отдельных коммунистов. 4. Одновременно бюро проявило оппортунистическую недооценку марксистско-ленинского воспитания...

Исходя из этого бюро Горкома постановило: Снять с руководящей работы и вывести из состава бюро секретаря партколлектива т. Щетинина и председателя профкома т. Колесникова, объявить им выговор и запретить в течении года занимать руководящие посты...» [1, л. 327].

После выхода этой статьи Колесникова обвинили в том, что он «будучи председателем профкома коллектива пединститута, в интересах дела троцкистской организации, членом которой он состоял – направлял свою практическую деятельность на развал и дискредитацию общественных и партийных организаций ВУЗа» [1, л. 326]

Через неделю, а именно 29 февраля 1932 г. А.Е. Колесников был арестован.

Официальная причина ареста была указана в постановлении об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения: «...гражданин Колесников Александр Елпидифорович достаточно изобличается в том, что он состоял членом Томской нелегальной контрреволюционной троцкистской группы, принимал активное участие в работе этой группы по вербовке новых членов и распространению троцкистской литературы, а потому – ПОСТАНОВЛЕНИЕ: Гражданина Колесникова Александра Елпидифоровича привлечь в качестве обвиняемого по 58/10 ст. УК, а мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание под стражей при ДПЗ Томского Оперсектора ОГПУ» [1, л. 97]. Однако, Александр Колесников подвергался судимости еще ранее. Об этом свидетельствует запись, сделанная в протоколе допроса от 3 марта 1932 г.: «в 1931 г. Народным судом г. Томска за насильственное выселение жильцов из общежития Пединститута, заочно приговорен к 3 месяцам принудительных работ». Это постановление суда, правда, было опротестовано партийными и общественными организациями и в то время находилось на разрешении в Крае [1, л. 98].

Начавшийся следственный процесс 1932 г. по делу А. Е. Колесникова представляет сложный механизм, выражающий взаимоотношения государственной власти и отдельной, никем не защищенной личности. Многочисленные оправдания обвиняемого в свою защиту отразились в его «новеллах» по поиску правды на листах архивно-следственного дела.

Из личных признаний арестованного, содержащихся в протоколах допросов, стало известно, что Колесников имел крепкую дружбу с Сосниным, работником Потребсоюза, которая началась со времени поступления первого в вуз. В одной из бесед Соснин рассказал своему другу о том, что он троцкист и предложил ознакомиться с некоторыми документами.

Что А. Колесников и исполнил. Однако, в протоколах допросов он признается: «Как случилось, что я так легко пошел на знакомство с троцкистскими документами? К этому было две причины и одна дополняет другую. Во-первых, крепкая северная традиция товарищества, принцип дружбы к Соснину в своей извращенной форме продиктовал мне его не выдавать. Во-вторых, в то время я был чистоправным гнилым либералом. В статье в «Пролетарской революции» тов. Сталин говорит, что «у нас многие еще до сих пор считают троцкизм фракцией коммунизма». Так я в то время считал, что троцкизм все же есть фракция компартии, пускай заблудившаяся, но фракция. И желая ознакомиться с троцкистскими документами, я хотел в этих таинственных, а потому вдвойне интересных документах узнать: какова же теперь платформа троцкистов и насколько она изменилась со времени дискуссии» [1, л. 100]. Но после прочтения материала под названием «Наши политические задачи», где была изложена вся революционная программа троцкистов, Колесников понял, что он «враг всей этой контрреволюционной халтуры», что он «не разделяет никаких точек зрения троцкистов и не хочет читать никаких материалов...» [1, л. 102]. Он порвал все отношения с Сосниным и его знакомыми, и уже чувствовал себя наполовину освобожденным от этой преступной связи, когда в конце февраля был арестован.

В своей оправдательной «новелле» А.Е. Колесников пишет: «Для меня сейчас совершенно ясно, что Соснин и те, кто с ним «работал», делали на меня крупную ставку, как на человека, через которого они могли пропагандировать троцкистские идеи в среде студентов. Но их расчет не оправдался не потому, что я не мог пропагандировать, а потому, что не хотел. Я был и остаюсь насквозь враждебен троцкизму, тем более после того, как ознакомился с частью его продукции. Но я запутался в гнилом либерализме плюс сохранение старых традиций. И мои преступления, что а) я знал о троцкистской работе Соснина и молчал, б) читал троцкистские документы, в) дал читать троцкистский документ своему другу – все эти преступления не покрываются моим истинным отношением к троцкизму. Но это подробное описание я счел необходимым дать для того, чтобы из всех моих показаний можно было сделать правильные выводы» [1, л. 103].

Дополнением к этому является показание Колесникова, которое он так и назвал «Как я мыслю свое оправдание»: «...Может быть ЦКК найдет нужным наказать меня за мой проступок примерно и сурово, но с меня будет снято клеймо троцкиста, я буду свободен и включен в производственные процессы страны, а вместо меня сядут в ваши подвалы шантажисты и провокаторы. Я знаю как это трудно представить Вам, уже создавшим в Сибирской парторганизации мнение о моем деле, как о деле минувших дней, но я до сих пор был убежден, что если ЦКК убедится на фактах в справедливости моих разоблачений, то никакие кажущиеся препятствия не помешают ей наплевать на Соснинские сочинения и вынести соответствующее решение...» [1, л. 450, 451]. «...Пускай Вас не возмущает мое упорство в желании оправдаться. Я стремлюсь к своей цели упорно, как коммунист, во мне хватит мужества добиваться от партии справедливого ко мне решения ценой любых усилий и страданий...» [1, л. 452].

Колесников отчаянно борется за справедливость. В очередном показании от 15 июня 1932 г. он решительно требует все июньские показания немедленно направить в ЦКК и Главное Госполитуправление, так как «это очень важные документы для меня и для истины», которую ищут власти. Он полагал, что ее быстрее найдут в Москве.

В этом показании он также оправдывает себя как классового врага: «Я согласен с Вами, когда Вы убеждаете меня в моем ничтожестве. Я только протестую против документа, которым Вы это ничтожество подтверждаете. Оказывается секрет в заведомом предубеждении против меня вся и всех очень прост, я изображен классовым врагом. В пос-тановлении (не знаю чье), которое Вы вчера мне процитировали, сказано, что я происхожу из кулацкой семьи, отец мой выступал с оружием в руках против советов и т.д. В общем старое обвинение Томского происхождения против меня, однажды отброшенное партией, как клеветническое, только здесь не добавлена еще одна явная нелепость, которая раньше была, что я и сам в 1918 г. нападаю на совет в числе белогвардейского отряда. Мне тогда было 13 лет. Об этом моем изображении, к моему несчастью, узнал от Вас только вчера и поэтому сегодня освещаю биографию отца, которую затем Москва может проверить. Мой дед был бедняк-рыбак, он утонул однажды весной, на рыбной ловле. Отец, когда женился, по обычаю отошел от деда и 10 лет работал на рыб-промыслах у рыбопромышленника и пароходчика купца Колесникова - батраком и рулевым на неводнике. Сделав за 10 лет сбережения он купил в Колпашево дом, лошадь и корову и поступил в Лесничество объездчиком. В 1915 г. он сделал довольно решительную вещь по тому времени поступил в Пойменскую лесную школу, будучи в весьма зрелом возрасте и кончил ее осенью 1917 г. со званием лесотехника и работал все время по специальности. Никогда и нигде он не пользовался наемным трудом, сам работал всю жизнь по найму. Где же здесь нашли кулацкий признак, позвольте Вас спросить?

В 1918 г., приехавшая из г. Нарыма эсэровская банда произвела в Колпашево переворот, арестовав членов СовДЕПа. По постановлению суда арестованных членов СовДЕПа сослали из Колпашево в дальние деревни. Мне помнится, что в состав суда был избран сходом и отец, причем функции этого суда были в подписании бумаги, написанной эсэрами. Эсэры организовали комитет, куда отец попал секретарем, тоже по выбору или по найму, не знаю. Но только, когда вскоре из Томска, где была Соввласть, пришел маленький отряд и комитетчики все разбежались, отец остался и «сдал дела» новой власти. Его даже не арестовали. Может быть в нем усмотрели обывателя, подчиняющегося каждой власти. Может быть в нем также говорил обыватель, когда впоследствии отряду, идущему на Кетский фронт, против белобандитов, он вопреки саботажу лесничего, разработал подробнейшие карты района, чем оказал отряду ценнейшую услугу и получил благодарность от командира. Может быть он этим искупал службу эсэрам? Но факт тот, что с оружием в руках он против Советов не выступал. Об этом уже были в свое время свидетельства членов б/Совдепа и местных партизан, не знаю зачем было доставать из праха эту версию. Там написано также, что в н/время отец отбывает наказание в концлагерях за вредительство. Я должен сказать, что отец сделал какое то преступление по службе, вредительство или что другое, кажется по 90 ст., но он отбывает наказание не в концлагерях, а в Томском Домпринрабе. Здесь пускай не умышленная, но маленькая ошибка.

Наконец, неправда и то, что я обманул партию тем, что у меня была связь с отцом. Ни идеологической, ни материальной связи с отцом у меня не было и нет. Так я заявлял СибКК, когда меня восстанавливали в 28 г. Почему? Мои связи с отцом порвались давно и это наше семейное дело...

Вы говорите, что ищете истину. Но вот я пожно изображен классовым врагом, а затем заклеен троцкистом. Могу ли я ждать здесь объективности? И не только от Вас. Пропустите мимо этого моего позорного столба население Сибири и почти каждый бросит мне плевков. Совершается что-то жуткое и невероятное. Я сомневаюсь уже, что мой вопль услышит Москва. Я начинаю верить в ваши слова, что я не оправдаюсь и погибну. Что же я могу делать? Я могу только все же требовать от Вас: все что я написал, а особенно в июне, а особенно вот это показание немедленно переслать в Москву, в ЦКК. Только там или нигде. Если бы здесь я пресмыкался перед Вами и умолял ползая на коленях, все это бесполезно и внушило бы Вам ко всему прочему еще отвращение.

Поэтому я предпочитаю рассказать здесь еще для ЦКК кое-что. Это кое-что также не придумано в тиши камеры, как вы убеждены, а взято куском из реальной жизни, как и все остальное...

Когда меня спрашивают: давал ли я письмо Полетаеву и Гордееву, то дело совсем не в том. Дело не в том, что надо «обязательно» установить факт дачи еще этим лицам. Установить его абсолютно невозможно по той простой причине, что такого факта не было... Да, я дал прочитать Береговому и предлагал до этого Полетаеву и это все. Если не спрашивать – почему?..

И это все, в чем я должен обвиняться и за что отвечать перед партийным судом. По этому вопросу мной уже даны показания, но к ним еще следует обратиться. Именно отсюда надо устанавливать: был ли это пошлый, даже мальчишеский поступок, или это было деяние троцкиста...

1,5 года шайка шантажистов, мошенников и убийц предавалась вокруг меня дикой свистопляске и все это камлание пошло насмарку. Это обидно, когда столько труда. Тогда это выродки делают на меня грязный донос. Кому-то надо верить одному: или мне, или кучке грязных мошенников и презренных убийц...

Не знаю сколько раз в жизни каждый человек делает глупостей, но их делает все же каждый человек. За ту глупость, которую я сделал, не достаточно ли я пострадал? 108 дней ареста разве не гарантировали возможность рецидива подобной глупости? Я чувствую что да. Я достаточно пережил. И поумнел... К СОСНИНУ и К-о у меня нет злобы. Слишком много для них. Их я только бесконечно презираю.

Но до ареста я презирал еще другую группу людей. Я презирал их за убогость идей, за ушибленное нахальство попыток монополизировать Ленинизм, за беспомощную истерику во всех вопросах. Но кого только презираешь, того не считаешь серьезным противником, а отсюда естественно недооценка и утрата нужной бдительности. Вы меня, по милости людей введших в Вас в заблуждение, зачислили в эту группу. Я должен Вам сказать: за 108 дней я научился и не презирать, а ненавидеть эту группу...

Презрение, а не ненависть, вот в чем источник моего жилого либерализма, который проявился в отношении к Соснину. Если бы к «письму» я отнесся также, как к корреспонденции «Соц. Весника», то я Соснина с места в карьер доставил бы по принадлежности. Потому, что в момент получения «письма» я еще не знал, что он сотрудничает в ОГПУ. Я же допустил проволочку из-за бабьего зуда выболтать секрет, которым я обладаю и кому то показать «письмо». В этом был мой гнилой либерализм, потому что я не счел троцкистское бумагомарание одинаково, или вернее, более

опасным, как всякую белогвардейскую брехню. И здесь замечание т. СТАЛИНА в письме в «Пролетарскую революцию» сделано также и по моему адресу. И это себе я отчетливо представляю. Если ЦКК найдет нужным применить ко мне за это высшую меру партийного наказания, то это будет справедливо, но это будет не за троцкизм, потому что троцкистом я не был...» [1, л. 513, 514, 516].

А.Е. Колесников был признан виновным и сослан на 3 года в Казахстан, а в 1937 г. ему присудили высшую меру наказания – расстрел [2, с. 68].

Таким образом, сложившаяся в стране в 1930-х гг. обстановка страха и подозрительности, направленная на поиск врагов народа, приводила к уничтожению ни в чем не повинных людей. И любая попытка человека хоть как-то оправдать себя была обречена, как это видно по примеру из следственного дела А.Е. Колесникова.

Студент и одновременно большой общественник Томского государственного педагогического института, желающий разобраться в своих политических взглядах, обвинялся в троцкизме. Не являясь таковым, арестованный пытался оправдать себя, когда писал свои чистосердечные признания. Столкнувшись с непониманием и неверием, почти отчаявшийся человек все же не теряет надежды. Однако, рукописная исповедь студента была бессмысленным криком о помощи, никем не услышанным. В 1932 г. А.Е. Колесников был сослан в концлагерь, а через несколько лет расстрелян.

Литература

1. Архив УФСБ РФ по ТО. Ф. 8. Д. П-9573
2. Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30-е – 40-е и начале 50-х годов. Томск, 1992. Т. 2

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО ЛИКВИДАЦИИ ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Л.И. Снегирева, Т.А. Сафонова

Томский государственный педагогический университет

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война резко изменила условия жизни советских детей. Сотни тысяч из них испытали долю беженцев, потеряли родителей, остались сиротами. Тысячи детей остались без постоянного родительского контроля, ибо отцы и матери их ушли на фронт или сутками трудились во имя победы. В связи с этим, забота о детях стала важнейшей государственной задачей. «Разрушенные войной города и села можно отстроить заново, – говорилось в передовой статье газеты «Правда». – Но трудно вернуть к нормальной жизни ребенка, искалеченного беспризорностью» [1].

Основной причиной беспризорности являлась эвакуация. Только за первый период войны Западная Сибирь приняла 304 эвакуированных детских учреждения, в которых находились 34.364 детей [2, л. 22]. На 1 апреля 1943 г. в этот регион прибыло 359,9 тыс. эвакуированных детей, что составляло 38,5% от всего прибывшего в это время эвакуированного населения